

Петроградское Общество Любителей Природы.

801-18
2140

2475

M 152/402

209
1018

Н. Н. Зосиковъ.

ОРЕЛЬ БЕРКУТЬ

(Aquila chrysaëtus L.).

Изъ дневника натуралиста.

Цена 25 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. МЕРКУШЕВА, Невскій пр., 8.
1916.

15

3

M 152
402

Ф14630-35

Орель Беркутъ (*Aquila chrysaëtus* L.).

Изъ дневника натуралиста.

Во время многочисленных моихъ научныхъ путешествий, экскурсий и служебныхъ командировокъ, совершенныхъ по Европейской Россіи, Сибири, Кавказу, Туркестанскому и Степному краю, мнѣ пришлось наблюдать во многихъ мѣстахъ въ области географическаго распространѣнія въ нашемъ отечествѣ такихъ интересныхъ пернатыхъ хищниковъ, какъ — орлы беркуты (*Aquila chrysaëtus* L. и *A. chrysaëtus fulva* Meyer). На ряду съ географическимъ распространѣніемъ беркутовъ я знакомился и съ жизнью ихъ. Въ одной мѣстности я засталъ брачную пору и время гнѣздованія беркутовъ, въ другой — время вывода птенцовъ и ихъ вскармливанія, въ третьей — время осенняго или весенняго пролета, въ четвертой — зимовку и т. д. Естественно, что у меня было давно желаніе опубликовать мои личныя наблюденія о важнѣйшихъ биологическихъ свойствахъ орловъ беркутовъ, обитающихъ въ нашемъ отечествѣ, но, къ сожалѣнію, приходилось печатаніе этого очерка годъ отъ году откладывать, по причинѣ, о которой будетъ упомянуто ниже.

Еще недавно среди орловъ беркутовъ, обитающихъ въ нашемъ отечествѣ, различали три вида: собственно беркута (*Aquila nobilis* Pall.), обитателя степей; холзана (*Aquila chrysaëtus* L.), обитателя лѣсной области, и горнаго беркута (*Aquila fulva* Temm.), обитателя горной области. Въ наше время два первыхъ вида едва ли не орнитологи принимаютъ за одинъ и тотъ же видъ — подъ именемъ беркута (*Aquila chrysaëtus* L.). Такимъ образомъ, въ нашемъ отечествѣ обитаютъ только два вида орловъ беркутовъ (*Aquila chrysaëtus* L. и *A. chrysaëtus fulva* Meyer), изъ числа которыхъ первый — обитаетъ

тель степенъ и лѣсовъ, а второй—беркутъ горный—обитатель горныхъ странъ. Настоящій очеркъ и посвящаю (рис. 1) орлу беркуту (*Aquila chrysaetus* L.)¹⁾. Въ нашемъ отечествѣ область географическаго распространянія орла беркута весьма обширна. Въ Европейской Россіи сѣверная граница распространянія достигаетъ широты Лапландіи и, можно утвердительно сказать, подвигается на этой широтѣ съ запада на востокъ, повсюду

Рис. 1. Беркутъ (*Aquila chrysaetus* L.).

слѣдуетъ включительно до предѣловъ границъ большихъ лѣсовъ. Южная граница опускается до 46° с. ш., слѣдовательно, охватываетъ Крымъ и сѣверный Кавказъ. Что касается границъ западной и восточной, то западная, проходя черезъ всѣ губерніи Прибалтійскія, Литовскія и Привислянскія, отодвигается затѣмъ въ Галиційскіе Карпаты; восточная же—переходитъ черезъ Уральскій хребетъ, захватывая главнымъ образомъ всю среднюю или центральную часть послѣдняго. Къ востоку отъ Урала—въ Азіатской Россіи—

беркутъ прежде всего распространенъ въ западной и центральной Сибири, а затѣмъ, повидному, есть основаніе полагать и о пребываніи беркута въ восточной Сибири. Къ сожалѣнію, мы еще не знаемъ, какъ далеко на сѣверъ и на югъ заходитъ его распространяніе на всемъ протяженіи Сибири. Распространенъ онъ и въ Степномъ краѣ, въ Туркестанѣ и на сѣверномъ Кавказѣ.

Орелъ беркутъ гнѣздится, однако, не на всемъ очерченномъ пространствѣ обширной области своего географическаго распростра-

¹⁾ Орла горнаго (*Aquila chrysaetus fulva* Meyer) я наблюдалъ много разъ въ горахъ Кавказа и описанію его жизни отвожу другой очеркъ.

ненія. По имѣющимся даннымъ, гнѣздящейся птицей беркутъ является только къ сѣверу отъ 42¹/₂° с. ш., южнѣ же этой послѣдней широты, исключая горный Кавказъ, гдѣ обитаетъ другой видъ—горный беркутъ (*Aquila chrysaetus fulva* Meyer), описываемый видъ является временнымъ гостемъ—лишь въ осенней и зимней фаунахъ.

Мои личныя наблюденія расширяютъ область гнѣздованія орла беркута въ Европейской Россіи значительно южнѣ 42¹/₂° с. ш. Я наблюдалъ на гнѣздѣ орла беркута въ Европейской Россіи въ нижеслѣдующихъ губерніяхъ: Петроградской, Уфимской, Симбирской, Тамбовской, Черниговской, Киевской и Астраханской; въ Азіатской Россіи—въ Сибири въ Енисейской губерніи; въ Степномъ краѣ—въ Акмолинской и Уральской областяхъ; въ Туркестанѣ—въ Сыр-Дарьинской области. Въ области временнаго пребыванія, т. е. въ теченіе осени и зимы, а также на пролетѣ весной—мои наблюденія исчерпываются въ южной Россіи—губерніей Киевской и на Кавказѣ—Терской областью.

Несмотря на достаточно обильный литературный матеріалъ, относящійся къ жизни орла беркута, все же приходится сказать, что жизнь беркута въ общемъ мало прослѣжена и нуждается въ дальнѣйшемъ изученіи. Въ виду этого, свѣдѣнія, характеризующія его биологию, имѣютъ и интересъ и значеніе.

Первыя мои наблюденія надъ орломъ беркутомъ въ области его гнѣздованія въ Европейской Россіи относятся къ 1900 году. Въ томъ году лѣтомъ я находился въ Уфимской губерніи по изслѣдованію «черви», предъ тѣмъ въ предшествовавшемъ году, осенью, истребившемъ болѣе ²/₃ посѣвовъ въ уѣздахъ Мензелинскомъ, Уфимскомъ и Белебеевскомъ, и попутно изучалъ биологическія свойства майскаго хруста, который въ томъ же году истребилъ ²/₃ урожая покосныхъ травъ въ заливныхъ лугахъ р. Вѣлой и р. Демы.

Благодаря просвѣщенному вниманію Мензелинскаго уѣзднаго предводителя дворянства М. М. Останкова, я имѣлъ возможность устроиться въ его имѣніи, въ 3—4 верстахъ отъ усадьбы, на полянѣ, устоявшей въ сплошномъ коврѣ луговыхъ травъ съ цвѣтами самыхъ яркихъ красокъ. На этой полянѣ, обрамленной съ трехъ сторонъ вѣковыми дубовымъ лѣсомъ, на пригоркѣ подъ тремя дубами была разбита одна палатка для меня, а другая для сопровождавшихъ меня людей. На другой день, 10 мая, раннимъ утромъ, съ первыми лучами солнца, неизмѣнная суетница во всѣхъ моихъ путешествіяхъ, нынѣ покойная супруга моя Анна Ефимова, вмѣстѣ со мной любовалась открывавшейся предъ нашими глазами, чуд-

ной панорамой, залитой яркими, животворными утренними лучами солнца... Ни я, ни А. Е. не могли ни на минуту оторвать глаз от бинокля. Мы не хотели лишать себя того строения, какое охватывало всецело нами, как вдруг взор мой остановился на орлах, которые сидели на старом, вѣковой дубѣ, отстоявшем от палатки не болѣе, какъ въ 250—300 саженяхъ. Въ утреннемъ, ядреномъ, совершенно прозрачномъ воздухѣ орлы казались непомерно большими. Темный цвѣтъ окраски, широкая черная полоса на концѣ блага хвоста съ характерными особенностями—съ первого взгляда давали возможность узнать орловъ беркутовъ (*Aquila chrysaetus* L.). Орлы сидѣли неподвижно минуту 10—15. Наблюдая за ними въ бинокль, на томъ же деревѣ я различилъ въ чащѣ вѣтвей и массивное гнѣздо. Привнявъ всѣ предосторожности, я въ тотъ же день ближе ознакомился съ приятнымъ соседствомъ. Гнѣздо представляло внушительное сооружение. Размѣры его приблизительно достигали болѣе 3-хъ аршинъ высоты и столько же, если не болѣе, аршинъ въ диаметръ. Сложено было гнѣздо главнымъ образомъ изъ сухихъ сучьевъ, изъ которыхъ нѣкоторые доходили до 1½ аршина длины, при толщинѣ въ 2½—3 вершка и болѣе. Весь основной материалъ переложень сухой травой и сухими же дубовыми листьями. Внутри гнѣзда—самый лотокъ, повидимому, довольно плоскій, въ то время оставался недоступнымъ для осмотра. Расположеніе гнѣзда на деревѣ какъ нельзя болѣе свидѣтельствовало о большой сообразительности строителей; съ боковъ гнѣздо утупало въ густыхъ вѣтвяхъ дерева, а сверху открытая его часть нѣсколько была укрыта сухимъ хворостомъ, набросаннымъ на изогнутыя вѣтви дуба, изъ которыхъ одна, довольно значительной толщины, вѣчная вершину его, служила орламъ удобнымъ нашествомъ. Съ этой вѣтви орламъ можно было сторожить гнѣздо, слѣдить за добычей и этой же вѣткой пользоваться для отдыха. Въ гнѣздѣ въ это время находились два пуховыхъ птенца—орленка.

Въ другомъ мѣстѣ—въ Тамбовской губерніи, въ Шацкомъ уѣздѣ, въ имѣніи землевладѣльца Флимонова, я, въ началѣ апрѣля 1906 года, наблюдалъ орла беркута на гнѣздѣ, въ то время, когда орлица только недавно отложила яйца, но еще ихъ не насиживала. Гнѣздо орла беркута было на опушкѣ большого лѣса, на высокомъ дубѣ; это гнѣздо по величинѣ значительно уступало описанному выше; оно, по всей вѣроятности, принадлежало молодой четѣ и выстроено было въ томъ году заново. Какъ не безмыслиею, беркуты и другіе орлы пользуются устроеннымъ гнѣздомъ въ теченіе многихъ лѣтъ, вся-

кій разъ оправляя, вслѣдствіе чего гнѣздо принимаетъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе размѣры. Въ гнѣздѣ этомъ 21 апрѣля находилось два яйца. Яйца крупной величины зеленовато-бѣлаго цвѣта, испещренные бурными точками. Раньше того, въ 1901 году, въ Черниговской губерніи, въ Кролевецкомъ уѣздѣ, въ Собичевскомъ лѣсничествѣ, на берегу р. Десны, мной были добыты 8 апрѣля два яйца изъ гнѣзда орла беркута (*Aquila chrysaetus* L.),—гнѣздившагося на вѣковой соснѣ. Одинъ изъ этихъ беркутовъ былъ убитъ тогда же объѣздячикомъ. Яйца, добытыя изъ гнѣзда, имѣли основной цвѣтъ бѣловатый, по которому выступали ярко-бурныя пятна и темно-лиловые глубокія точки.

По имѣющимся въ специальной литературѣ свидѣніямъ, орлица кладетъ отъ 1 до 3 яицъ, но есть указанія, что встрѣчаются кладки и въ четыре яйца. Первое яйцо откладывается нерѣдко очень рано, иногда въ началѣ марта и раньше; бывали случаи, когда яйца, положенныя орлицей очень рано, погибали отъ мороза. Нерѣдко, однако, кладка яицъ бываетъ и поздняя—только въ концѣ мая. Чаще всего кладка яицъ наблюдается въ апрѣлѣ. Насиживание продолжается болѣе мѣсяца, а вылетъ птенцовъ въ іюлѣ. Птенцы не привлекательны, покрыты бѣлымъ пухомъ, чрезвычайно безпокойнаго нрава и странно прожорливы.

Проживъ въ имѣніи М. М. Останкова, на описанной полянѣ, 2½ мѣсяца, я каждый день былъ очевидцемъ того заботливаго попеченія, съ какимъ относились родители къ орлятамъ-птенцамъ. Я даже не сумѣю сказать, кто изъ нихъ отличался болѣею заботливостью и любовью—орлица-мать или орелъ-отецъ! Въ теченіе дня орелъ и орлица все время неустанно бывали заняты вскармливаніемъ птенцовъ; минуты отдыха у нихъ выпадали рѣдко и на самое короткое время. Птенцы ни на одну минуту не оставались безъ надзора; кто-либо изъ родителей непременно бывалъ при гнѣздѣ. Орлята на гнѣздѣ въ это время (10 мая), очевидно, находились въ возрастѣ нѣсколькихъ недѣль, такъ какъ скармливались приносимой пищей непосредственно, тогда какъ въ первое время, по выплупленіи изъ яицъ, обыкновенно, орлы кормятъ своихъ птенцовъ мясомъ, преимущественно размягченнымъ въ своемъ зобѣ. Въ описываемомъ году весь Мензелинскій уѣздъ сплошь былъ заселенъ полевыми мышами; между послѣдними преобладала по преимуществу—обыкновенная полевка (*Microtus arvalis*). «Мышиное засилье», впрочемъ, въ томъ году въ Уфимской губерніи не ограничивалось только Мензелинскимъ уѣздомъ, а охватывало и другіе уѣзды, а отчасти и уѣзды

смежных съ ней губерній. Вслѣдствіе изобилія полевыхъ мышей, по всей вѣроятности, и преобладающей пищи для вскармливанія птенцовъ являлись мыши. Орлята, какъ я упоминалъ выше, чрезвычайно прожорливы. Моя покойная супруга А. Е., вооружась терпѣніемъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней производила подсчетъ количеству мышей или, точнѣе, животныхъ вообще, которыхъ приносили орель и орлицы на гнѣздо для вскармливанія птенцовъ. Число жертвъ оказалось внушительнымъ—въ среднемъ выше ста! Кроме мышей, принесены были за то же время—3 хомка, 2 зайченка, 3 галки и 6 сусликовъ; при этомъ было замѣчено, что самецъ приносилъ чаще всего болѣе крупную добычу, напр., 5 зайцевъ въ промежутокъ времени двухъ недѣль. Крупныя животныя поѣдались, обыкновенно, самими родителями. Какъ-то разъ, часовъ въ 5 утра, орель принесъ въ когтихъ на гнѣздо взрослого зайца, послѣдній былъ еще живъ и трепыхался. Добычу орель передалъ орлицѣ, сидѣвшей на своемъ обычномъ мѣстѣ, съ замѣчательной покорностью—и въ этомъ поступкѣ орда было что-то величественное и трогательное... Орлица, вознивъ въ жертву острые когти своихъ сильныхъ ногъ, нѣкоторое время оставалась совершенно неподвижной, а затѣмъ, гордо выпрямившись, такъ сильно крикнула, что этотъ клекотъ заставлялъ вздрогнуть не только насъ, но и по всей вѣроятности и все живое вокругъ насъ; достаточно сказать, что даже бывалый и видавшій виды—лягашъ «Ахилла» и тотъ взвизнулъ и, сорвавшись съ мѣста, поджавъ хвостъ, вбѣжалъ въ палатку. Черезъ минуту—двѣ царь пернатого царства съ царницей, на виду у своихъ птенцовъ и всего окружающаго, растерзали несчастную жертву и поѣли почти на цѣло.

До полудни, въ утренніе часы, ежедневно можно было наблюдать много интереснаго въ жизни и привычкахъ орловъ беркутовъ, особенно ихъ очередные полеты въ голубой синеѣ небесъ надъ самымъ гнѣздомъ. Къ сожалѣнію, я не всегда могъ удѣлять это время наблюденіямъ и тѣмъ самымъ лишалъ себя большого удовольствія. Известно, что беркутъ едва ли не самый сильный изъ орловъ. Сила, мужество, отвага, смѣлость и др. подобныя качества присущи орламъ вообще, а ору беркуту, я сказалъ бы, въ особенности, такъ какъ у беркута качества эти одухотворены еще истиннымъ благородствомъ. Проявленіе благородства у беркута наблюдается на каждомъ шагѣ и ниже я буду имѣть случай привести разительный примѣръ, подтверждающій только что сказанное.

Послѣ утренней охоты, исполнивъ свои родительскія обязанности, накормивъ птенцевъ и насытившись сами, орель и орлица устранивались рядомъ на обычномъ мѣстѣ, на одной изъ самыхъ верхнихъ вѣтвей вершины дуба, откуда было видно какъ на ладони и самое гнѣздо и вся мѣстность. Въ спокойномъ, горделивомъ созерцаніи орлы отдыхали. Шумъ, шорохъ, шелестъ и всякаго рода крикъ шмыгавшихъ и перепархивавшихъ по вѣтвямъ дуба мелкихъ птичекъ, ловившихъ насекомыхъ, изобильно летавшихъ и скоплявшихся у гнѣзда на отбросахъ, повидимому, нисколько ихъ не тревожила. Увѣренность въ своемъ превосходствѣ надъ всѣмъ окружающимъ исключала въ ихъ сознаніи или, вѣрнѣе, навыкахъ возможность какой-либо для нихъ неожиданности, а тѣмъ болѣе опасности. Даже неоднократное мое и моихъ спутниковъ пребываніе въ это время подъ самымъ деревомъ, служившемъ колыбелью для ихъ потомства и мѣстомъ личнаго пребыванія, и многое другое, повидимому, не смущало ихъ. Постоянный, пристальный, испытующій взглядъ какъ-то еще болѣе отъѣвлялъ ихъ самоувѣренность. Въ первые дни, по водвореніи моемъ въ этой мѣстности, казалось мнѣ, что орлица была нѣсколько встревожена близкимъ содѣйствомъ непринятыхъ соизгателей, но, вслѣдъ за тѣмъ, кажущаяся тревога улеглась. Впрочемъ, въ общемъ орловъ беркутовъ никто и не беспокоилъ, да и кому было нарушать ихъ покой. Весь животный мѣръ въ районѣ ихъ обитанія, за исключеніемъ меня, моихъ спутниковъ и «Ахилла», совершенно чуждъ былъ какихъ-либо хищническихъ инстинктовъ; всѣ представители мѣстной фауны принадлежали къ мирнымъ гражданамъ лѣса и поляны зернояднымъ или насѣкомояднымъ птицамъ и питающимся исключительно растительной пищей животнымъ млекопитающимъ—мышамъ, полевымъ, хомякамъ, сусликамъ и т. под. Никто изъ насъ за все время пребыванія на полѣнѣ ни разу не наблюдалъ близости ни одного пернатого хищника, тогда какъ въ окрестностяхъ попадались не мало сарычей-мышелововъ (*Buteo ferox*), ястребовъ (*Accipiter nisus*) и др. Всѣ эти хищники, даже случайно, не появлялись въ районѣ обитанія орловъ беркутовъ, что вполне естественно, такъ какъ въ дневникѣ моемъ 2 июля отмѣчено, что въ когтихъ орла замѣченъ былъ хищникъ—сарычъ. Рядомъ съ этимъ не лишне отмѣтить и другое обстоятельство—орлы не производили охоты въ районѣ своего обитанія; не было случая, чтобы орель или орлица выхватили добычу близости гнѣзда, тогда какъ вся поляна въ изобиліи заселена была полевыми и мышами, а птенцы-орлята вскармли-

ливались преимущественно полевками; за теми и другими орлы охотились далеко от гнѣздовья. Позже такое, такъ сказать, безразличное отношеніе орловъ къ животному населенію своего района стало понятнымъ и лишній разъ служило показателемъ большой прозрачности послѣднихъ.

Птенцы росли не очень быстро, но, по мѣрѣ роста, съ каждымъ днемъ усиливали къ себѣ интересъ, приковывая наше вниманіе. Съ половины іюня орлята стали появляться на тѣхъ самыхъ вѣтвяхъ поверхъ гнѣзда, на которыхъ былъ набросанъ сухой хворостъ. Въ то время орлята были еще далеко не оперены. Разсматривая ихъ въ бинокль ежедневно, видно было, что бѣлый пухъ удерживался особенно на головѣ, на шеѣ снизу, на груди, на брюхѣ и на ногахъ, хотя, впрочемъ, среди пуха пробивались и окрашенныя въ бурый цвѣтъ перышки. Перья на спинѣ и шеѣ, въ части прилегающей къ спинѣ, кроющія крылья и маховыя казались совершенно бурого цвѣта, а рулевыя и верхнія кроющія хвоста свѣтло-бурого. Маховыя и рулевыя перья оставались въ колодкахъ. Выходя орлята изъ гнѣзда на ближайшія вѣтви вначалѣ, повидимому, далеко не были добровольнымъ. Неоднократно приходилось наблюдать, какъ орлица очень упорно выталкивала орлятъ изъ гнѣзда или еще чаще приманивала ихъ къ себѣ кормомъ, съ которымъ въ такихъ случаяхъ садилась въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ гнѣзда. Прожорливые орлята, при видѣ пищи, моментально поднимались на ноги и, сдѣлавъ нѣсколько неуклюжихъ движеній, добравшись до матери и въ такихъ случаяхъ получали полностью добычу.

Мѣсяцъ спустя, въ половинѣ іюля, орлята оперились настолько, что бѣлый пухъ оставался примѣтнымъ только мѣстами на шеѣ, горлѣ и подбородкѣ. Орлята съ каждымъ днемъ становились все забавнѣе и хотя неуклюже, но очень ретиво прыгали по вѣтвямъ, особенно всякій разъ, когда прилетала орель или орлица, при томъ безразлично—съ добычей или безъ нея. Послѣ того, какъ орлята освоились съ перепархиваніемъ по вѣтвямъ дуба у гнѣзда, я замѣтилъ, что орлица перенесла охоту за кормомъ въ районъ, прилегающій къ самому мѣсту гнѣздованія—на поляну. 20 іюля, помѣчено въ моемъ дневникѣ, орлята въ первый разъ слетѣли съ деревъ къ матери-орлицѣ, которая сидѣла въ нѣкоторомъ отдаленіи, держа въ когтяхъ полуживого хомька; а затѣмъ, далѣе, то 25 іюля орлята совершенно свободно слетѣли съ дерева, слѣдуя за орлицей, и въ тотъ же день охотились на полянѣ за мышами и полевками, въ то

время, какъ орель, не принявъ въ этомъ участія, сидѣлъ на ближайшемъ деревѣ, зорко слѣдя за всѣмъ происходившемъ. Къ сожалѣнію, орлица съ орлятами избрала для охоты ту часть поляны, которая лежала по другую сторону дуба, что затрудняло въ достаточной степени наблюденіе надъ послѣдующей жизнью орлиной семьи, такъ какъ въ той части поляны было значительно больше кустарныхъ порослей. Тѣмъ не менѣе, мнѣ и моимъ спутникамъ еще не одинъ разъ пришлось видѣть крайне любопытные эпизоды изъ тѣхъ навыковъ, которые приобрѣтились орлятами въ добычѣ пищи и предупрежденіи опасности при участіи матери-орлицы.

Въ первомъ случаѣ пріемы сводились къ тому, что орлица, поймавъ предварительно полевку или мышъ, вслѣдъ затѣмъ не однократно налетала на орлятъ, сталкивала какого-либо изъ нихъ съ мѣста, и когда, наконецъ, одинъ изъ орлятъ инстинктивно слѣдовалъ за матерью, пролетѣвъ нѣкоторое пространство, орлица выпускала изъ когтей мышъ. Орленокъ съ крикомъ опускался на землю, схватывалъ животное и поѣдалъ его, прежде чѣмъ къ нему подлетаетъ другой орленокъ.

Во второмъ случаѣ, при приближеніи опасности, какъ это не разъ бывало, когда неожиданно на полянѣ появился «Ахиллъ», тотчасъ же раздавался самый тревожный клекотъ орла и орлицы, не прекращавшійся до тѣхъ поръ, пока вся семья не слеталась на своей родной дубѣ.

Въ концѣ іюля по ходу моихъ изслѣдованій пришлось перенести дѣятельность всецѣло въ Уфимскій уѣздъ—на Благовѣщенскій Заводъ и такимъ образомъ разстаться съ славнымъ уголкомъ, съ которымъ связано было не мало самыхъ приятныхъ воспоминаній, а съ тѣмъ вмѣстѣ и прервать наблюденія надъ семьей беркута.

Въ послѣдующее время до отъѣзда въ Петербургъ я, однако, дважды заглянулъ въ усадьбу М. М. Останкова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и навѣстилъ орлиную семью. Первое посѣщеніе имѣло мѣсто во второй половинѣ (17) августа, слѣдовательно, недѣли три спустя; въ этотъ день я не засталъ семьи беркута ни на мѣстѣ гнѣздованія, ни на опушкѣ обрамляющаго поляну лѣса. Полѣсовщикъ, которому при отъѣздѣ своемъ я поручилъ надзоръ за семьей беркута, сопровождавшій меня и на этотъ разъ, говорилъ мнѣ, что еще на дняхъ видѣлъ всю семью на ночлегѣ у гнѣзда. Слова его оправдались; часовъ около 7½ вечера, проѣзжая черезъ поляну въ усадьбу, дѣйствительно, мы застали всю орлиную семью на завитомъ дубѣ. Чу-

десная группа, которая запечатлѣлась въ моей памяти, къ сожалѣнію, не могла быть сфотографирована за позднимъ временемъ. Не желая нарушить покой орлиной семьи, я съ полѣсовщикомъ проѣхалъ въ усадьбу просѣлкой. Вторичное мое посѣщеніе этого чудеснаго уголка относится къ 25 сентября, за нѣсколько дней до отъѣзда въ Петроградъ. Мнѣ хотѣлось на этотъ разъ добыть одного молодого беркута для коллекціи. Выполнить свое намѣреніе мнѣ, однако, было не суждено. Къ этому времени семья беркутовъ совершенно покинула не только самую мѣстность, въ которой гнѣздовала, но и ближайшія окрестности. По словамъ того же полѣсовщика, семья беркута разбилась, и орлы попадались въ послѣднее время только по одиночкѣ. Дѣйствительно, проѣздивъ цѣлый день, побывавъ на полянѣ, гдѣ гнѣздились беркуты, раннимъ утромъ и послѣ полудня, въ сумеркахъ и поздно вечеромъ, мы беркутовъ не встрѣтили. Охота на орловъ возобновлена была на другой день. Ко мнѣ присоединились два студента, гостившихъ у М. М. Останкова. Желанія, усердія и энергіи у всѣхъ насъ было много. Изъ усадьбы мы выѣхали верхами до разсвѣта, въ 5 часовъ, были на полянѣ и въ теченіе дня, какъ говорится, объѣхали и обшарили всѣ рѣзвительно укромные уголки лѣса, не только обширнаго имѣнія М. М. Останкова, но и ближайшихъ сосѣдей, побывали на всѣхъ полянахъ, опушкахъ и колкахъ, на которыхъ въ послѣднее время встрѣчалъ орловъ беркутовъ полѣсовщикъ, но безрезультатно — беркутовъ не видѣли. День склонялся къ вечеру, послѣдніе лучи заходящаго солнца угасали; быстро надвигались сумерки. Досадуя на потраченный безплодно день, мы уже рѣшили свернуть на дорогу, чтобы слѣдовать въ усадьбу, какъ за однимъ изъ пригорковъ у опушки лѣса полѣсовщикъ, ѣхавшій впереди, примѣтилъ беркута, сидѣвшаго на большомъ вѣковомъ дубѣ. Орелъ, повидимому, замѣтилъ насъ раньше, насторожился и моментально сорвался съ мѣста. Загрохотали выстрѣлы, но, увы, всѣ, какъ говорится, «промазали».

Много лѣтъ раньше я наблюдалъ орла беркута (*Aquila chrysaetus* L.) въ Астраханской губерніи, въ Калмыцкой степи, также во время гнѣздовья. Наблюденія, относящіяся къ этому случаю, представляютъ тотъ интересъ, что расширяютъ наши познанія объ области гнѣздованія орла беркута въ предѣлахъ Европейской Россіи. Выше мной отмѣчено, что по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ специальной литературѣ, беркутъ гнѣздится только сѣвернѣе 42¹/₂° с. ш., тогда какъ мѣсто моихъ наблюденій въ Астраханской губерніи го-

раздо южнѣе, едва ли не подлѣ 45¹/₂° с. ш. Въ то время я былъ въ командировкѣ въ Астраханской губерніи по вопросу объ организаціи борьбы съ такимъ лютымъ бичемъ нашего полеводства, какъ перелетная или азиатская саранча (*Pachytylus migratorius* L.); послѣдняя причиняетъ опустошенія посѣвовъ не въ одномъ Астраханскомъ краѣ, а во многихъ губерніяхъ и областяхъ Европейской и Азиатской Россіи, Туркестана, Кавказа и Стенного края. Для организаціи планомерной борьбы представлялось необходимымъ про-

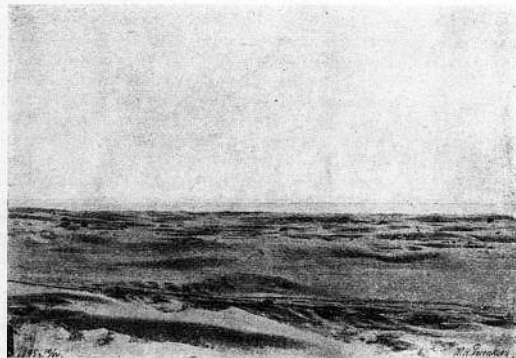

Рис. 2. Калмыцкая степь. Урочище «Цагань-Нурь-Улань».

известить предварительное обследованіе очаговъ размноженія этого вѣскагомаго въ губерніи, для чего предстояло посѣтить и Калмыцкую степь. Возвращаясь съ озера Саягинской группы, лежащихъ въ юго-западномъ углу Калмыцкой степи у границы Ставропольской губерніи, я не преминулъ посѣтить и многіе любопытные уголки Эркетеневаго улуса, включая и самую узкую ставку. Эта часть Калмыцкой степи представляетъ живой интересъ для натуралиста вообще и для зоолога въ частности. Одинъ изъ такихъ любопытныхъ уголковъ представляетъ урочище Цагань-Нурь-Улань.

Урочище Цагань-Нурь-Улань лежитъ въ той части Калмыцкой степи, которая по своему геологическому сложенію состоитъ изъ ста-

рых дюнь, превратившихся въ сплошные летучіе пески; послѣдніе занимаютъ едва ли не всю южную часть Калмыцкой степи и достигаютъ особенно мощнаго развитія у озера Вѣлаго на урочищѣ Цаганъ-Нуръ-Уланъ и по рѣкѣ Гайдукѣ, гдѣ пески эти извѣстны подъ названіемъ «Гайдукскихъ песковъ». Предлагаемая фотографія (рис. 2) какъ нельзя лучше передаетъ рельефъ или, вѣрнѣе, природу урочища Цаганъ-Нуръ-Уланъ. Въ котловинахъ выдувания среди качагуръ (песчаные бугры) на всемъ пространствѣ урочища

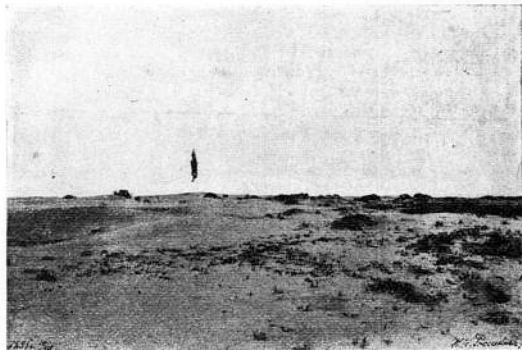

Рис. 3. Калмыцкая степь, Урочище «Цаганъ-Нуръ-Уланъ».

слоистый сѣрый песокъ засыпанъ повсюду глубокимъ слоемъ створокъ и обломковъ раковинъ. Особенно мощно выраженъ такой составъ поверхности по берегамъ Вѣлаго озера (соленое), которое обязано и своимъ названіемъ упомянутому кардитовому слою. Казалось бы, что такіа почвенныя условия совершенно исключаютъ какую бы то ни было растительность, а между тѣмъ поверхность этихъ песковъ въ той или другой степени покрыта представителями флоры, присущей пескамъ (рис. 3), и по преимуществу выходцами Закаспійской области, Туркестана и другихъ частей Средней Азіи. Чаще другихъ встрѣчались два кустарничковья растенія — гребенщикъ или тамарискъ и кара-джузгунъ — *Calligonum*

Pallasii, образующія небольшія заросли высотой по поясъ человѣка, особенно по вершинамъ качагуръ; затѣмъ слѣдовали различныя травы и между ними: кермека (*Statice*), разбросанныя среди курай (*Suaeda maritima*); даге по солончакамъ — солянники (*Salsola*), а на глинистыхъ земляхъ обильное развитіе полевой (*Artemisia*) и астрагаловъ, наконецъ, на совершенно чистыхъ пескахъ — поросли песчаного тростника (*Arundo arenaria*), песчаного овса (*Elymus arenarius*), бѣлой полыни (*Artemisia maritima*) и нѣкоторыхъ другихъ.

Экспедиція на урочище Цаганъ-Нуръ-Уланъ совершена мной въ концѣ апрѣля. Меня сопровождалъ, прикомандированный ко мнѣ попочителемъ улуса, спутникъ, почтенныхъ лѣтъ калмыкъ, страстный охотникъ и любитель природы. Въ это время растительность жила полною жизнью. Большинство названныхъ растений находилось въ цвѣту и между ними особенно выдѣлялся красиво цвѣтущій гребенщикъ. Курай и кермекъ разнообразили лиловыми цвѣтами однообразную сѣрую поверхность солончаковъ. На ряду съ растительнымъ міромъ жизнь была ключемъ и въ животномъ мірѣ. На каждомъ шагу шмыгали по песку ящерицы, особенно часто попадалась ушастая круглоголовка (*Phrynocephalus mystaceus*); въ одномъ мѣстѣ, на днѣ небольшой котловины, среди сравнительно невысокихъ качагуръ, сплошь покрытой песчанымъ тростничкомъ и отчасти бѣлой полянью, я встрѣтилъ двухъ змѣй, изъ которыхъ одна была поимана мной спутникомъ — это была гадюка (*Vipera Renardi*), а другая, повидному, тоже гадюка, успѣла ускользнуть. Пользуясь случаемъ, не могу не упомянуть, что въ Калмыцкой степи въ томъ году змѣй гадюки встрѣчались въ очень большомъ количествѣ; особенно я былъ пораженъ обиліемъ ихъ въ сѣверной части Малодербетовскаго улуса. 14 апрѣля, отмѣчено въ моемъ дневникѣ, въ полверстѣ отъ самой улусной ставки, было такое количество этихъ змѣй, что я, моя покойная супруга и дочь улуснаго попочителя въ теченіе одного часа во время прогулки забили палками свыше 40 гадюкъ, которыя, повидному, только недавно проснулись отъ зимняго сна и, пользуясь теплымъ солнечнымъ днемъ, выползли изъ своихъ зимнихъ норъ и грѣлись на солнцѣ по краямъ большихъ рытвинъ и выемокъ земли.

На урочищѣ Цаганъ-Нуръ-Уланъ изъ другихъ видовъ змѣй повстрѣчался, кажется, щитомордикъ азіатскій, но утверждать положительнаго не могу, такъ какъ поймать его не удалось. Изъ класса насѣкомыхъ болѣе другихъ обрали мое вниманіе, нѣкоторые виды кобылокъ и жуки — *Amphicoma* sp?, которыхъ было чрезвычайно много. Изъ пернатыхъ — оживляла пески степная каменка (*Saxicola isa-*

bellina), а на Бѣломъ озерѣ я видѣлъ одну шилоклювку (*Recurvirostra avocetta*) и одну утку-пѣганку (*Tadorna cornuta*), убитыхъ моимъ спутникомъ. Изъ млекопитающихъ животныхъ я добылъ въ заросляхъ гребенщика стенового жака (*Erinaceus auritus*).

Около полудня, сильно утомленный ходьбой по глубокому песку, въ которомъ нога тонула болѣе чѣмъ по щиколотку, я поднялся на одну изъ болѣе высокихъ чакагуръ, чтобы нѣсколько передохнуть въ заросляхъ гребенщика, а вмѣстѣ съ тѣмъ укрыться отъ палящихъ лучей солнца и отъ порывистаго вѣтра съ пескомъ, какъ былъ пораженъ такой неожиданностью, которая заставила меня совершенно забыть объ отдыхѣ. Предо мной являя въ одной изъ котловинъ среди чакагуръ небольшой высоты рѣзко выдѣлялся болшихъ размѣровъ, высокой, темносѣрый обрывъ, подобно рифу среди безбрежнаго моря сыпучаго песку. На вершинѣ обрыва сидѣлъ большой орелъ, въ то же время другой орелъ, оглашая молчаливую степь громкимъ крикомъ, летѣлъ по направлению къ первому, держа въ своихъ сильныхъ когтяхъ значительной величины кусокъ дерева (см. табл.). Притаившись въ поросли гребенщика, я съ лихорадочной поспѣшностью схватилъ было винтовку, но еще болѣе громкій совмѣстный клекотъ орла и орлицы заставилъ меня отказаться отъ моего намѣренія; вмѣсто винтовки, я взялъ въ руки бинокль и сталъ разсматривать орловъ. По бѣлому хвосту, окаймленному на концѣ широкой черной полосой и сѣрой полосой съ черными пятнами между бѣлой и черной полосой, въ летѣвшихъ орлѣхъ я узналъ беркута (*Aquila chrysaetos* L.); спутникъ мой, подошедшій въ это время ко мнѣ, — безъ моего вопроса, неожиданно для меня, сказалъ: орель-беркутъ», — «хорошо, что не стрѣляли, я сѣмъ предугадать выстрѣлъ». Въ тотъ моментъ я не обратилъ почти никакого вниманія на слова спутника; я все свое вниманіе сосредоточилъ на разсмотрѣніи орловъ и того обрыва, на которомъ, какъ оказалось, послѣдніе заняты были устройствомъ гнѣзда. (См. табл.).

Когда оба орла улетѣли, я со спутникомъ отиравался къ самому обрыву. Чѣмъ ближе я подходилъ къ обрыву, тѣмъ все болѣе онъ выросталъ предо мной, становился массивнѣе и величественнѣе. На самомъ дѣлѣ обрывъ не превышаетъ $5\frac{1}{2}$ сажень высоты, $8\frac{1}{2}$ саж. ширины и 20—25 саж. въ окружности, считая по основанію, сплошь засыпанному сугробами летучаго песка. Обрывъ представлялъ обнаженіе основной геологической породы, известняковой части Калмыцкой степи, въ видѣ твердой компактной массы слоистаго сѣраго песку, медленно поддающейся разрушительному дѣйствию такихъ дѣятелей,

какъ вода, вѣтеръ, рѣзкія колебанія температуры и проч. и проч., на которой залегаютъ болѣе приближающіеся къ нашему времени образованія — старыя дюны и современныя намъ отложения — летучіе пески. Съ трехъ сторонъ обрывъ былъ вовсе недоступенъ, вслѣдствіе отвѣсныхъ стѣнокъ, четвертая же сторона, обрывистая при основаніи, занесенномъ пескомъ, выше на дальнѣйшемъ протяженіи представляла довольно пологой склонъ, по которому возможно было добраться до вершины. Сторона обрыва, находящаяся подъ наименьшимъ вліяніемъ господствующихъ вѣтровъ, сплошь испещрена была отвѣстиями, ведущими въ норы, обитателями которыхъ являлась цѣлая колонія береговыхъ ласточекъ (*Cotyle riparia*) и зеленыхъ шурокъ (*Merops persica*). Колонія эта представляла яркій примѣръ тѣхъ взаимныхъ отношеній, какія устанавливаются въ природѣ между представителями сильны и слабыми безпомощными существами, каковыми въ данномъ случаѣ являются ласточки и шурки.

Съ помощью спутника не безъ усилій взобрался я на вершину обрыва. Отсюда открывался видъ на все урочище Цаганъ-Нуръ-Уланъ съ Бѣлымъ озеромъ и ближайшими окрестностями; къ сожалѣнію, оставаясь на вершинѣ обрыва и любозная своеобразнымъ ландшафтомъ было положительно невозможно; порывистый, очень сильный вѣтеръ, поднимавшій тучи песку, засыпалъ и слѣпилъ глаза. Я сѣмъ осмотрѣлъ сооружаемое орлами гнѣздо. Устройство послѣдняго, повидному, почти заканчивалось, такъ какъ внутри постройки выкладывался волосами и шерстью довольно большой лотокъ. Основа гнѣзда сложена была изъ сухихъ, довольно толстыхъ древесныхъ сучьевъ и вѣтвей главнымъ образомъ ивовыхъ (*Salix*); матеріалъ этотъ, очевидно, орлы приносилъ издалека, такъ какъ на самомъ урочищѣ и въ ближайшихъ окрестностяхъ эта древесная порода совершенно отсутствовала. Гнѣздо въ такомъ незаконченномъ видѣ достигало $1\frac{1}{2}$ аршина высоты и 2 арш. въ діаметрѣ. Самое основаніе гнѣзда, на $\frac{2}{3}$ засыпанное пескомъ, судя по его наружному виду, надо полагать, было сложено давно. У гнѣзда, между прочимъ, среди обломковъ костей, покрытыхъ по большей части пескомъ, такъ сказать, остатковъ отъ трапезы орловъ, мной были найдены два черена, изъ которыхъ одинъ, по опредѣленію, оказался принадлежащимъ караганкѣ или степной лисицѣ (*Vulpes melanotus*), а другой — суслику. Сойдя съ обрыва, мы на время отдыха укрылись отъ вѣтра и палящихъ лучей солнца въ небольшой по объему выемкѣ, находящейся на противоположной сторонѣ обрыва. На этомъ привалѣ подѣ завываніе и свистъ порывистаго вѣтра и

своеобразный металлический шелест, перебрасываемого через обрывъ песка, мы подкрѣпили свои силы. За хлѣбомъ и солью мой спутникъ познакомилъ меня съ нѣкоторыми бытовыми особенностями своего народа и вмѣстѣ съ тѣмъ рассказалъ любопытную легенду, относящуюся къ орлу беркуту и обрыву, на которомъ находится гнѣздо. Легенда, тогда же со словъ рассказчика мной записанная, по несчастью, впоследствии, при моей поспешной кочевой жизни, затерялась среди многочисленныхъ записей. Время отъ времени я предпринималъ поиски. Прошло много лѣтъ. Поиски оставались безрезультатны. Не пришлось послѣ того и побывать вновь въ Арктическомъ улусѣ. Обращеніе къ одному улусному попечителю, знатоку калмыцкаго народа, также не увѣчалось успѣхомъ; я получилъ лишь указаніе, что легенда о беркутѣ встрѣчалась ему въ печати. Само собой разумѣется, что послѣ того я просмотрѣлъ всю доступную мнѣ литературу о Калмыцкой степи, но легенды объ орлѣ беркутѣ не отыскалъ. Возможно, что легенда въ специальную печать и не попала, тѣмъ тяжелѣе сознаніе безсилія въ восстановленіи ея оригинала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потраченного труда и времени на ея отысканіе. Чтобы не откладывать печатаніе настоящаго очерка еще на неопредѣленное время, я рѣшаюсь привести краткое ея содержаніе, поскольку оно удержалось въ моей памяти.

Какъ извѣстно, нѣкоторые пернатые хищники: орлы, ягнятники, грифы, сокола, ястреба, коршуны и другіе, поражающіе воображеніе первобытнаго человѣка—въ мифахъ различныхъ народовъ, являются воплощеніемъ грозныхъ силъ природы. Такъ, у индусовъ Индра—царь неба, владыка молніи и грома, принимаетъ часто образъ ястреба. Римляне почитали орла, какъ посланца Юпитера, которому эта птица была посвящена. По греческимъ сказаніямъ, Зевесъ самъ неоднократно принимаетъ образъ орла во время своихъ походовъ на землѣ. Въ гимнахъ Ведъ, священной книгѣ индусовъ, говорится, что царь неба Индра въ образѣ орла похищаетъ изъ тучъ—*солу* (дождь), божественный плодотворный напитокъ. Въ Финской поэмѣ Калевалѣ имѣется поэтическое изображеніе мифическаго орла съ огненнымъ клювомъ и сверкающими глазами. Въ мифахъ славянъ—орелъ также является олицетвореніемъ молніи, грома и дождя. Тѣ же силы природы орелъ воплощаетъ и у Калмыцкаго народа, какъ это явствуетъ и изъ рассказанной мнѣ легенды. Въ давно прошедшіе вѣка, говорилъ мнѣ мой спутникъ, вся Калмыцкая степь изъ края въ край представляла сплошной тучный лугъ, покрытый сочными кормовыми травами, гдѣ паслись

безчисленные табуны копей, стада рогатаго скота, овецъ и козъ. Въ этой странѣ жилъ народъ въ счастіи и довольствіи. Не знали онѣ ни тяжелаго труда, ни нищеты, ни бѣдности, ни горестей. Вся жизнь его протекала въ играхъ, забавахъ и наслажденіи; за тѣми и другими онъ окончательно утратилъ любовь къ коню, луку и стрѣлѣ, которые предъ тѣмъ были его неразлучными друзьями, составляли его славу и величіе... Такъ шли вѣка, когда, наконецъ, царь неба и владыка всѣхъ стихій прогнѣвался на этотъ народъ и страшно его наказалъ. Случилось такъ, что въ одинъ прекрасный день, когда весь народъ отъ маля до велика участвовалъ въ большомъ народномъ празднествѣ, разразился страшный шурганъ и вся страна погрузилась въ тьму и мракъ. Въ это самое время спустилась черная царственная птица орелъ беркутъ¹⁾, съ большимъ огненнымъ клювомъ, съ сверкающими глазами, съ сильными ногами, съ острыми когтями и покрыла своими крыльями всю страну. Страшный ураганъ еще болѣе разбушевался; взбаламутилось море и рѣка, поднялись воды, вышли изъ береговъ и залили всю страну. Въ бурныхъ волнахъ погибло все достояніе народа—табуны, стада, жилища и самъ народъ. Послѣ того величественная птица (орелъ беркутъ) плавно и тихо поднялась въ небесную высь. Расеялись мракъ; сбѣжала вода; обсохла земля, занесенная пескомъ. Среди опустошенной страны на некоторыхъ возвышенныхъ мѣстахъ стоялъ лишь духъ *Меколы Милостивца* и съ нимъ немногіе праведники изъ народа, пощаженные царемъ неба. Съ тѣхъ поръ тѣ мѣста въ степи опредѣлены царемъ неба для орловъ беркутовъ, на которыхъ послѣдніе живутъ и размножаются по сей день.

Въ три часа popolудни мы покинули мѣсто нашего привала. За время отдыха орелъ и орница нѣсколько разъ налетали къ мѣсту гнѣздова, продолжая свою работу по устройству гнѣзда, вскай разъ давая знать объ этомъ громкимъ клекотомъ, который производилъ жуткое ощущеніе.

Изъ другихъ губерній въ области географическаго распространенія орла беркута, въ которыхъ я встрѣчалъ его въ періодъ, гнѣздованья, мною упомянуты еще Черниговская и Петроградская. Въ Черниговской губерніи, какъ я сказалъ выше, были добыты 8-го апрѣля 1901 года яйца и убитъ орелъ беркутъ самецъ—старый въ брачномъ перѣ. Въ Петроградской же губерніи я выдалъ

¹⁾ Спутникъ назвалъ при этомъ орла беркута по калмыцки особымъ названіемъ, которое не удержалось въ моей памяти.

орла беркута на гніздѣ 30 іюня 1913 года въ Капорьѣ—въ имѣніи сенатора А. А. Зиновьева. Гніздо помѣщалось на высокой соснѣ—въ глухой части лѣса, неподалеку отъ моря. Въ гніздѣ въ это время были птенцы орлята, по словамъ сопровождававшего меня, лѣсничаго всего недѣли двѣ выплывшіе изъ яицъ.

Въ Азіатской Россіи мои наблюденія носятъ такой же случайный характеръ и относятся къ Сибири и Степному краю (Киргизскому). Въ 1912 году, по окончаніи борьбы съ сибирской кобылкой (*Gomphocerus sibiricus* L.) въ Енисейской губерніи, я, по порученію енисейскаго губернатора, обследовалъ Абаканскую степь въ Минусинскомъ и Ачинскомъ уѣздахъ съ цѣлю выясненія степени размноженія въ ней полевыхъ мышей, которые производили, по заявленію населенія и эконміи одного изъ крупныхъ хозяйствъ, столь сильнаго опустошенія, что не было корма ни для табуновъ лошадей, ни для скота и овецъ. 25 августа, не дожидая версты 10—15 до р. Сухой Ербы—въ холмистой части степи, силою заселенной обыкновенной пеструшкой (*Eremyomys lagurus* Pall.), мое вниманіе привлечено было большимъ числомъ орловъ, которые сидѣли совершенно спокойно на вершинахъ едва ли не всѣхъ имѣвшихся здѣсь кургановъ. Въ сидѣвшихъ орлахъ и орлятахъ, слетавшихъ при нашихъ пробѣдахъ, я и мои спутники¹⁾ различали орловъ беркутовъ; чтобы, однако, еще болѣе въ томъ убѣдиться, мы рѣшили добыть одного изъ нихъ. Послѣ большихъ усилій въ подходахъ къ нимъ, одному изъ насъ, въ глубокихъ сумеркахъ, удалось убить орла. Это былъ молодой беркутъ и, судя по оперенію, принадлежалъ къ выводкамъ того года.

Въ Степномъ или Киргизскомъ краѣ я имѣлъ случай видѣть орла беркута въ Уральской области. Въ 1894 году я былъ командированъ въ Гурьевскій уѣздъ по выясненію вопроса о гніздищцахъ перелетной или азіатской саранчи (*Pachytylus migratorius* L.) на сѣверномъ побережьи Каспійскаго моря и въ устьяхъ рѣкъ Урала и Эмбы. Въ городѣ Гурьевѣ я встрѣтилъ широкое гостеприимство и вниманіе со стороны начальника уѣзда М. И. Дубровина, уроженца Сибири, страстнаго охотника и любителя природы. По окончаніи возложеннаго на меня порученія, на возвратномъ пути, я собирался посѣтить знаменитое соленое озеро Индерское. М. И. Дубровинъ это зналъ и сдѣлалъ для меня большое удовольствіе, когда, накануне моего отъѣзда, объявилъ мнѣ, что поѣдетъ со мной. Въ 8 часовъ утра 26 мая, отбѣгнувъ въ моихъ путевыхъ замоткахъ, мы

пріѣхали на озеро Индербъ—это «чудо природы», какъ о немъ выразился нашъ знаменитый путешественникъ Палласъ. Мы остановились у одного изъ источниковъ, называемыхъ киргизами «Ашебулакъ» («горькій источникъ»), выбивающійся цѣлымъ потокомъ изъ трещины скалистаго берега. Осмотръ озера, имѣющаго 11 верстъ длины и 8½ в. ширины, занялъ цѣлый день. Особенно эффектно было озеро при закатѣ солнца. Что болѣе всего меня поразило—это по всему побережью озера, въ полосѣ, такъ сказать, прибой, валя въ ½ арш. высоты и около аршина ширины при основаніи изъ груновъ кобылки съ незначительною примѣскою и другихъ представителей мѣстной фауны, главнымъ же образомъ—наскокмихъ—жуковъ и даже перелетной саранчи. Всѣ эти насекомыя, попадая въ озеро массами, консервируются въ его рапѣ, насыщенномъ соляномъ растворомъ, и, затѣмъ, при постоянно дуящихъ вѣтрахъ выбрасываются прибоемъ на берегъ. Я здѣсь собралъ едва ли не всѣхъ представителей предныхъ кобылокъ, принадлежащихъ къ семейству саранчи (*Aceridiodae*). Налюбовавшись десятка закатамъ солнца, мы покинули дѣйствительное «чудо природы»—озеро Индербъ и направились въ ближайшее киргизское кочевье, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ. На пути къ кочевью, проѣзжая рядомъ небольшихъ уваловъ, собственно, Индерскихъ горъ, въ которыхъ и залегаетъ оз. Индербъ, М. И. Дубровинъ замѣтилъ на вершинѣ холма орда и рѣшилъ во что бы ни стало, какъ онъ выразился, по уральски «сдѣлать мнѣ презентъ». Сказано—сдѣлано. Минуту черезъ 25 орелъ былъ въ моихъ рукахъ и къ моему удовольствію оказался орломъ беркутомъ (*Aquila chrysaetos* L.). Киргизы, насъ сопровождавшіе, много говорили о беркутѣ и жаловались, что послѣдній немилосердно грабитъ стада, унося овецъ и особенно ягнятъ во время ягненія овецъ.

Въ Туркестанѣ я имѣлъ случай видѣть два раза орла беркута въ Сыртъ-Дарьинской области. Въ 1899 году, лѣтомъ, я стоялъ лагеремъ въ Караумской пустыни, въ Казалинскомъ уѣздѣ, въ Акутагской волости, на урочищѣ Карачингилъ. Здѣсь мной производились изслѣдованія по изученію ядовитаго паука Каракурта (*Lathrodectus tredecimguttatus* Rossi), наводившаго предъ тѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ панику на киргизское населеніе,—перекусавъ много людей и тысячи рогатаго скота, лошадей и верблюдовъ. Въ концѣ мая ко мнѣ въ ставку заѣхалъ подполковникъ И. Л. Арамаздцевъ, испр. об. начальника Казалинскаго уѣзда, и я съ нимъ проѣхалъ въ сопровожденіи волостнаго управителя и многихъ кир-

¹⁾ Губернскій агрономъ и спеціалистъ по животноводству.

гизъ къ одному почетному богатому киргизу, у котораго происходило свадебное торжество по обычаямъ киргизской старины. Приѣхали мы въ самый разгаръ торжества, когда слыше ста человекъ всадниковъ изъ киргизской молодежи, разряженной по праздничному, шумной гурьбой весело гарцовали и джигитовали на обширномъ живописномъ лугу, по одну сторону котораго ютились кочевье изъ двухъ-трехъ десятковъ очень нарядныхъ юрты. Во время джигитовокъ обращать вниманіе всѣхъ на себя одинъ всадникъ, который съ быстротой молніи носился на своемъ небольшомъ, но замѣчательно красивомъ мангачкѣ, выдѣлывая самыя замысловатые аллюры, имѣя въ лѣвой рукѣ, одѣтой въ длинную до плеча кожанную рукавицу, у самой луки сѣдла—орла. По окончаніи джигитовки, которая отличалась легкой ѣздой и удалью, какал свойственна только дѣтямъ азіатскихъ степей, наѣздникъ съ орломъ былъ приглашенъ гостеприимнымъ хозяиномъ къ намъ въ кибитку. Орелъ былъ типичный беркутъ (*Aquila chrysaetus* L.) еще, впрочемъ, молодой. Изъ разспросовъ выяснилось, что орелъ пойманъ имъ годъ тому назадъ лѣтомъ вблизи р. Сыръ-Дарьи около самаго ихъ кочевья, у трупя павшей лошади. Орленокъ такъ наѣлся, что не въ состояніи былъ подняться съ мѣста и былъ пойманъ безъ особаго труда. Любя охоту, киргизъ этотъ въ то же время занимается обученіемъ беркутовъ охотѣ; выученныхъ беркутовъ онъ продаетъ богатымъ киргизамъ за хорошаго деньги, нерѣдко за 25—50 рублей. По его словамъ, ему почти ежегодно удается добыть одною—двухъ орлятъ изъ гнѣздъ, причѣмъ онъ беретъ штенцевъ еще въ пуховомъ нарядѣ, выкармливаетъ масомъ, а затѣмъ, когда орленокъ подрастаетъ и начинаетъ летать, обучаетъ общезвѣстнымъ приемами охоты на звѣря: куяна (зайца), тюлька (караганку) или (степную лисицу), каскыра (волка) и даже на акъ-куйрюка (сайгак) и кара-куйрюка (джерана) и другихъ.

Въ то же лѣто, въ концѣ іюня, ко мнѣ въ ставку на урочищѣ Карачингилъ привезенъ былъ изъ-за р. Дарьи однимъ киргизомъ еще въ полуоперенномъ видѣ орленокъ беркутъ (*Aquila chrysaetus* L.), за котораго я уплатилъ пять рублей серебряной монетой. Орлянокъ жилъ у меня въ ставкѣ около полутора мѣсяца и служилъ большимъ развлеченіемъ для всѣхъ членовъ экспедиціи. Онъ быстро приручился. Кормили его, можно сказать, ежедневно до отъѣзду и не только убойнымъ мясомъ, но и всевозможными животными, въ особенности сусликами, ящерицами, тушканчиками, зайцами и др. Росъ онъ, однако, медленно, также медленно шло и опереніе. Къ

половинѣ августа, когда пришлось покинуть урочище Карачингилъ, я долженъ былъ расстаться съ орленкомъ и подарилъ его своему джигиту (всаднику), который болѣе всѣхъ другихъ участникомъ экспедиціи уаживалъ за орломъ и въ свою очередь орленокъ выказывалъ къ нему болѣе, чѣмъ къ другимъ, свои привязанности. Равней весной 1900 года, въ началѣ марта, я вновь посѣтилъ Сыръ-Дарьинскую область для дополнительныхъ изслѣдованій о ядовитомъ наукѣ Каракуртѣ; въ эту поѣздку побывалъ я вторично на урочищѣ Карачингилъ и спустился по Сыръ-Дарьѣ на Косъ-Аралъ въ кочевье моего бывшаго джигита, гдѣ повидаль своего бывшаго питомца орленка, который въ это время выглядѣлъ величественной птицей. Веркутъ былъ обученъ охотѣ; по словамъ джигита, онъ бьетъ волковъ, караганокъ, зайцевъ и др. съ такой ловкостью, что приводитъ всѣхъ участниковъ охоты въ восхищеніе. Къ сожалѣнію, погода стояла дождливая, но располагая достаточнымъ временемъ, я долженъ былъ отказать себѣ въ удовольствіи быть участникомъ охоты съ беркутомъ. За зиму во время охотъ беркутомъ было взято два шакала (*Canis aureus*)—по-киргизски сакал, 1 волкъ, 10 лисицъ караганокъ и десятка три зайцевъ!

На Кавказѣ я наблюдалъ орла беркута не одинъ разъ, но только на сѣверномъ Кавказѣ и, при томъ, на его равнинахъ до подножья горъ. Здѣсь беркутъ повсемѣстно является птицей только осенней и зимней¹⁾. Живя въ Терской области, въ ст. Прохладной, что на р. Малкѣ, притоцѣ р. Терека, еще въ годы своего студенчества, я наблюдалъ появленіе беркута на равнинѣ Кабарды изъ года въ годъ въ декабрѣ и январѣ, а въ зимы ранніе, отличающіяся большими холодами,—даже въ ноябрѣ. Въ 1884 году, зимой, 21 декабря, въ морозный день казакъ станицы Прохладной Нигрей поймалъ на степи стараго орла беркута (*Aquila chrysaetus* L.) кашпаномъ и принесъ его ко мнѣ. Орелъ жилъ у меня два съ половиной мѣсяца, но, повидимому, онъ былъ больной; отличался большою угрюмостью; относился ко всему съ полнымъ равнодушіемъ и въ теченіе цѣлой недѣли не принималъ корму. Спустя недѣлю замѣчено было, что онъ началъ брать пищу, но ѣлъ мяса не больше $\frac{1}{2}$ фунта за сутки. Такое ограниченіе въ пищѣ, само собой разумѣется, съ каждымъ днемъ отражалось на его состояніи и въ теченіе послѣдующаго мѣсяца онъ сталъ неузнаваемъ: опереніе его было

¹⁾ К. Россиковъ. Обзоръ зимней фауны птицъ вост. ч. долины р. Малки. Приложение № 4, къ XLIX т. Зап. Имп. Академіи Наукъ. Сиб. 1884 г.

не приглядно, краски потеряли цвѣтъ и живость, изъ величественнаго царя пернатыхъ онъ обратился въ «куксию», какъ всѣ мои домашніе прозвали его. Къ сожалѣнію, «куксию», чѣмъ далѣе, тѣмъ все больше хирѣлъ и, что всего удивительнѣе, какъ помѣчено у меня въ дневникѣ, съ 28 января вновь пересталъ принимать пищу и 6-го марта палъ, другими словами, оставался безъ пищи пять недѣль!

Зима 1888 года на сѣверномъ Кавказѣ повсюду отличалась крайней суровостью, морозы доходили въ декабрѣ и январѣ до 25° Р. и при томъ стояла продолжительное время. Особенно зима того года была сурова въ степяхъ западнаго побережья Каспійскаго моря. При отсутствіи снѣга, при всегда господствующемъ тамъ въ это время года сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, переходившемъ въ сильныя бураны, вся прикаспійская степь отъ р. Кумы до р. Сулака покрывалась сплошной ледяной корой. Безчисленныя стада овецъ и козъ, которая обычно изъ года въ годъ споняются въ эту часть Каспійскаго побережья на зимнія пастбища на подножныхъ кормъ со всего юго-восточнаго Кавказа, включая горную область, въ эту зиму, лишенная корма, погибли отъ голода и холода.

Я посѣтилъ степь по обязанностямъ службы къ югу отъ дельты р. Терека 8-го января. Пересѣкая степь съ юго-востока на сѣверо-западъ, я не вѣрилъ тому, что видѣлъ, что встрѣчалъ на каждомъ шагу. Вся степь на пространствѣ сотенъ верстъ черная и косматая, покрытая буйными порослями кермека, курая, полыни, песчаного тростника и другими представителями степной прикаспійской флоры, была сплошь закована ледянымъ покровомъ, по которому съ трудомъ двигались лошади. Степь, знакомая мнѣ по другимъ временамъ года, всегда лишенная сѣнокосныхъ угодій, представляла лишь прекрасное зимнее пастбище, къ удивленію моему, на этотъ разъ была покрыта безчисленнымъ множествомъ стоговъ. Издали, при видѣ послѣднихъ, невольно напрашивался вопросъ: откуда здѣсь въ солонцово-песчаной степи такое богатство, такіе огромные запасы корма? Каково же было мое удивленіе, когда проводникъ мой и переводчикъ кара-ногаецъ Закеръ и другіе, сопутствовавшіе мнѣ всадники, тоже кара-ногайцы, обычно зимующіе въ этой части степи, въ одинъ голосъ произнесли, что все это послѣдствіе зимней стужи и шургана, т. е. бурана съ морозами, которые свирѣствовали въ степи безъ перерыва въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ. Все достояніе не только кара-ногайцевъ, кочующихъ здѣсь зимой съ своими стадами овецъ и козъ, но и всѣхъ горскихъ об-

ществу юго-восточнаго Кавказа, отъ первой до послѣдней овцы и козы погибли. Милліоны труповъ! Послѣдніе по приказанію областной администраціи были сложены по 500 и по 1000 штукъ вмѣстѣ, для приведенія въ извѣстность всего наличнаго количества погибшихъ овецъ, а, слѣдовательно, и матеріальныхъ потерь.

Вотъ, въ этомъ царствѣ смерти я встрѣтилъ и другой не менѣ поразительный фактъ. Сюда, словно на пиръ послѣ чумы, слетѣлись тысячи пернатыхъ хищниковъ и собралась масса хищниковъ четвероногихъ. Поражали и встрѣчались на каждомъ шагу, конечно, болѣе всего пернатые хищники. Здѣсь были представители не только сѣвернаго Кавказа, т. е. равнинъ и степей, но и горнаго Кавказа до высокоальпійской области включительно, а, пожалуй, и всей южной части Европейской Россіи. Я видѣлъ цѣлыя стада, въ 100 и болѣе штукъ совѣстнаго пребыванія, такихъ хищниковъ, какъ: ягнятники (*Gypaetus barbatus*), грифы (*Gyps fulvus* и *Vultur monachus*), стервятники (*Neophron percnopterus*), орлы—бѣлохвостый (*Haliaeetus albicilla*), восточный (*Aquila orientalis*), беркуты (*Aq. chrysaetus* и *Aq. chrysaetus fulva*) и мн. др., которыхъ не буду перечислять. Изъ хищныхъ звѣрей—цѣлыя стада волковъ, шакаловъ, лисицъ обыкновенныхъ, лисицъ караганокъ и др. За нѣсколько дней пребыванія въ степи мной и моими спутниками было убито 5 ягнятниковъ, три грифа, пять беркутовъ, изъ которыхъ два беркута горныхъ (*Aq. chrysaetus fulva* Meyer), три стервятника, три орла бѣлохвоста; кромѣ того пять волковъ, три лисицы и одинъ шакалъ. Большинство этихъ трофеевъ привезены мной во Владикавказъ и поступили въ школьныя коллекціи.

Через редакцию «Любителя Природы» могут быть выписываемы следующие сочинения:

а) **А. С. Бондарцева.**

Грибная болезнь культурных растений и меры борьбы с ними. (Поле.—Огород.—Сады). 1912 г. 399 стр. Съ 388 рис. въ текстъ. Цѣна 1 р. 50 к.

б) **И. В. Васильева.**

Изображение и краткое описание главнейших насекомых, вредящих плодовым садамъ. Часть I. Насекомья, вредящая плодовымъ деревьямъ. 3-е дополненное издание. 1910 г. 67 стр. Съ 42 черными рис. и VIII таблицами раскрашенныхъ рисунковъ. Цѣна 75 коп.

в) **К. Н. Россикова.**

1) Луговой мотылек или метелца. Монография. 1903 г. 95 стр. Съ 6 черн. рис. и 1 хромолит. табл. Цѣна 25 коп.

2) Ядовитый паук кара-курт. Монография. 1904 г. 232 стр. Съ 29 черными рис., 4 таблицами раскрашенныхъ рисунковъ и 1 картой. Цѣна 50 коп.

г) **Н. О. Золотницкаго.**

Водные растения для аквариумовъ комнатныхъ, садовыхъ и оранжерейныхъ. Руководство къ уходу, воспитанию и размножению этихъ растений. 1887 г. 279 стр. Съ 53 рис. Цѣна 2 р. 50 к.

д) **П. П. Успенскаго.**

Содержание растений въ комнатахъ. Изд. 4-е, дополн. и перераб. 1906 г. 128 стр. Съ 4 рис. Цѣна 1 р.

е) **Н. Н. Соколова.**

Руководство къ собиранію и воспитанію насекомыхъ. Энтомологическія коллекціи. 1909 г. 268 стр. Съ 119 рис.—въ текстѣ и на 7-ми таблицахъ. Цѣна 1 руб.

ж) **Г. А. Порчинскаго.**

1) Предостерегающая окраска и глазчатая пятна, ихъ происхождение и источники. 4 части. 1890—1897. Съ 6 раскр. таблицами рис. и со многими полнѣтпачками въ текстѣ. Цѣна 5 рублей (безъ перес.).

2) Муха Вольфарта и ея русскіе сородичи. С.-х. монография. 1916. Съ портретовъ. 39 рус. въ текстѣ и 2 табл. Цѣна 35 коп. (безъ перес.).

3) Наши бѣлые коровы и ихъ хозяйственное значеніе. 1912 г. 84 стр. Съ 2 табл. раскр. рис. и 31 полнѣтпач. Цѣна 20 коп.

4) Домовая муха, ея значеніе для человѣка и его хозяйства и отношеніе ея къ комнатной мухѣ. 1913 г. Съ 32 рис. Цѣна 10 коп.

На пересылку прилагать по вѣсу.

Через редакцию «Любителя Природы» могут быть выписываемы следующие сочинения, печатавшіяся въ этомъ журналѣ:

Д-ръ Э. Баде.

Террариумъ, его устройство и содержаніе. Перев. съ нем. подъ ред. и съ доп. И. И. Мамонтова. 1912 г. 112 стр. Съ 73 рис. въ текстѣ. Цѣна 1 р.

В. А. Вишняковъ.

Орхидеи, содержаніе и уходъ за ними въ комнатѣ. 1914 г. 71 стр. Съ 30 рис. Цѣна 75 коп.

Пальмы. Выращиваніе и содержаніе пальмъ въ жилыхъ комнатахъ. 1908 г. 121 стр. Съ 30 отд. рис. пальмъ и 2 рис. въ текстѣ. Цѣна 1 р. 60 к.

В. В. Добровольскій.

Какъ наблюдать простѣйшихъ. 1913 г. 32 стр. Съ 5 рис. Цѣна 25 коп.

П. Емельяненко.

1) Школьный аквариумъ (прѣсноводный и морской), его устройство, уходъ за нимъ, растительный и животный мѣръ его. 1912 г. 129 стр. Съ 126 рис. Цѣна 1 р. 25 к.

2) Живородящія рыбки, ихъ содержаніе и размноженіе въ аквариумѣ. 1909 г. 29 стр. Съ 13 рис. Цѣна 50 коп.

Н. Ю. Зографъ.

Животныя художники. Естественно-историческіе очерки. 1910 г. 158 стр. Съ 13 табл. и 34 рис. въ текстѣ. Цѣна 1 р. 50 к.

Ө. Крыштофовичъ.

На Niagara. 1911 г. 15 стр. Съ 18 рис. Цѣна 30 коп.

Н. Н. Ляпуновъ.

Кантусы. Содержаніе ихъ въ комнатахъ. 1912 г. 26 стр. 3 табл. рис. Цѣна 50 к.

И. И. Мамонтовъ.

Библиографическій указатель сочиненій и статей о бѣльзяхъ и поврежденіяхъ культурныхъ растений за 1911 годъ. 1914 г. 48 стр. Цѣна 25 коп.

Н. Петровъ.

Краткія указанія о разведеніи казарекъ. 1908 г. 7 стр. Цѣна 25 коп.

А. Ф. Радецкій.

Яяецъ плодоморки, описаніе, биологія и использование его въ дѣлѣ борьбы съ яблонной плодоморкой (*Sagrorarza pomonella* L.). 1913 г. 17 стр. Съ 8 рис. Цѣна 30 коп.

М. Н. Саговникъ.

Любитель бабочекъ. Справочная книга о бабочкахъ Европ. Россіи, съ краткимъ руководствомъ къ ихъ ловлѣ, воспитанію и составленію коллекціи. 1914 г. 203 стр. Съ 164 рис. и 4 табл. Цѣна 1 р. 75 к.

Н. Е. Семеновъ.

Комнатное цвѣтоводство. Практическія указанія по культурѣ комнатныхъ растений. Составлено при участіи членовъ Общ. Любит. Природы, подъ ред. И. И. Мамонтова. 1909 г. 164 стр. Съ 3 табл. рис. и 86 рис. въ текстѣ. Цѣна 80 к.

Н. Соколовъ.

Совни озимая и воскачѣтальная (*Agrotis segetum* Schiff. et exclamations L.). По наблюденіямъ въ Ямбургскомъ у. Сиб. губ. летомъ 1913 года. 1914 г. 22 стр. Цѣна 10 коп.

Д-ръ П. О. Соловьевъ.

Весеннія экскурсіи учителя-натуралиста съ учениками. 1908 г. 39 стр. Съ 12 рис. Цѣна 50 коп.

Я. О. Шрейнеръ.

Грушевая и яблонная медяница (пестоблошка) (*Pyrilla*) и борьба съ ними. 3-е изд. 1913 г. 31 стр. Съ 7 рис. Цѣна 25 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ.

Годъ XI-й.

ПОПУЛЯРНЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ И УЧАЩИХСЯ

„ЛЮБИТЕЛЬ ПРИРОДЫ“

ОРГАНЪ ПЕТРОГРАДСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ.

(Выходитъ съ 1906 г.).

Утвержденнымъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія мнѣніемъ Ученаго Комитета определено внести журналъ въ списокъ изданій, заслуживающихъ вниманія при пополненіи учебныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. Утвержденнымъ Г. Товарищемъ Главнаго Училишнаго Заместителемъ и Заместителемъ мнѣніемъ Ученаго Комитета журналъ за 1906 годъ одобренъ для библиотекъ подведомственныхъ Главному Управленію учебныхъ заведеній. Журналъ рекомендованъ въ циркулярѣ по военно-учебнымъ заведеніямъ для фундаментальныхъ и рѣдкихъ библиотекъ военно-учебныхъ заведеній. Постановленіемъ Учебнаго Комитета Министерства Торговли и Промышленности журналъ рекомендованъ для библиотекъ коммерческихъ училищъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: Растеніе и его жизнь въ естественныхъ и искусственныхъ условіяхъ (комнатная культура, оранжерейная и проч.). Животное царство — аквариумъ, террариумъ и вивариумъ; пѣвчія и декоративныя птицы. Изготовление коллекцій по растительному и животному царствамъ.

Кромѣ оригинальныхъ и переводныхъ статей по перечисленнымъ рубрикамъ, въ журналѣ помѣщаются также: 1) соотвѣтствующимъ любителямъ; 2) мелкія замѣтки; 3) свѣдѣнія о дѣятельности Общества Любителей Природы и другихъ обществъ и учрежденій, преслѣдующихъ аналогичныя задачи; 4) критика и библиографія; 5) вопросы и отвѣты; 6) объявленія.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками, съ рисунками и чертежами въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. Редакція сохраняетъ за собою право выкупать и двойные номера (за два мѣсяца сразу). При журналѣ рассылаются сѣмена растеній годныхъ для комнатной и воздушной культуры.

Подписная цѣна на годъ съ доставкою и пересылкою 3 руб. За перемѣну адреса высылать 25 коп. (можно марками). Члены Петроградскаго Общества Любителей Природы, уплатившіе годовой членскій взносъ (5 руб.), получаютъ журналъ бесплатно. Журналъ за 1-ый годъ изданія (1906 г.) разошелся сполна. Полный годовой комплектъ журнала за 1907 г. со всеми приложеніями (съ тома числ. 3 и двѣнадцатыхъ таблицъ) высылается за 4 руб.; за 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914 и 1915 гг. — по 3 руб. 50 коп. съ пересылкою. Выписывающіе журналъ сразу за два года (кромѣ 1907 г.) платятъ 6 р., за 3 года — 8 р. 50 к., за 4 года — 10 р., за 5 л. — 11 р. 50 к., за 6 л. — 12 р., за 7 л. — 13 р. 75 к. съ перес. Объявленія, для помѣщенія въ журналъ, принимаются въ конторѣ редакціи за плату: по 10 руб. за страницу, 6 руб. за $\frac{1}{2}$ страницы, 4 руб. за $\frac{1}{4}$ страницы, 2 руб. 50 коп. за $\frac{1}{8}$ страницы и 1 руб. 50 коп. за $\frac{1}{16}$ страницы — за одинъ разъ. При повтореніи — скидка по соглашенію.

Подписка принимается въ Петроградъ въ конторѣ редакціи у В. И. Разау и о. в. (Петроградъ, Улица Жуковскаго, 47, кв. 16), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Адресъ редакціи: Петроградъ, Звѣринская ул., 17А, кв. 7.

Редакторъ И. Мамонтовъ.